Император сидел в своем кабинете, с улыбкой разглядывая банкноты.

Долгие годы войны, а теперь и работы по восстановлению, которые необходимо было провести, опустошили национальную казну. Дворец подавал пример бережливости: император носил залатанные одежды, а императрица не покупала новых украшений в течение трех лет. Только с триумфальным возвращением Е Чжао и военными трофеями, которые она привезла, причёски женщин императорского гарема снова засияли украшениями. Теперь приближался шестидесятилетний юбилей вдовствующей императрицы, и, хотя она уже распорядилась, чтобы всё было просто, они бы навлеки на себя позор, если бы всё было слишком просто.

И тут Ся Юйцзинь протянул руку в час нужды*. Даже если десять тысяч таэлей - это немного, это намного лучше, чем ничего, и его сыновнее благочестие достойно похвалы.

* букв. во время снегопада послать уголь.

Очень довольный, император даже выразил свою признательность по отношению к Ся Юйцзиню.

Это были чистые деньги. Игорный дом был официально одобрен правительством и вел свою деятельность открыто, не нарушая закон и не преследуя людей; исход ставок зависел от мастерства. И для цензора не было слишком большой проблемой засучить рукава и наведаться в одно-два грязных игорных притона, к какому-нибудь мошеннику или еще кому-нибудь, пока никто не лишился жизни. Император даже пожелал, чтобы Ся Юйцзинь провёл зачистку еще пары игорных залов, заставив этих богатых владельцев выложить немного больше денег, чтобы заполнить дыры в юго-западном фонде помощи пострадавшим от стихийных бедствий.

- Ваше Величество очень мудры, - похвалил его Ся Юйцзинь.

Почувствовав, что это неуместно, император быстро сменил радостное выражение лица. «Юйцзинь! - упрекнул он. - Твое поведение выходит за рамки дозволенного! Достойный принц Наньпина, дурачащийся в игорных притонах, какой позор!»

Ся Юйцзинь воспринял эту критику с опущенной головой.

- На этот раз, из-за проявленного тобой сыновнего почтения к вдовствующей императрице, я забуду об этом, - сказал император, полный холодной праведности. Он передал банкноты своему личному евнуху, велел ему убрать их и, наконец, отложив это дело в долгий ящик, сердито добавил: - В последнее время эти люди поднимают в столице все больше и больше шума. Поместье принца Ци достаточно богато, и все же он протянул свою жадную до денег руку к столице, открыл притон беззакония за моей спиной и выдавил конкурентов. Ему всё время мало! И эта принцесса Чанпин, которая силой захватила дом для ремонта своего летнего поместья и которая довела семью из четырех человек до смерти, чтобы потакать своему рабу! Она была предана суду императорской цензуры. Они действительно разозлили нас до смерти.

- Вот именно! Я самый честный, - сказал Ся Юйцзинь, воспользовавшись возможностью, чтобы похвастаться.

Император схватил со своего стола бумажный веер и швырнул в его бесстыжую голову.

- Настоящая работа Ху Даоцзы? Из его серии «Красивые женщины»? Отлично! Чудесно! - Ся Юйцзинь открыл веер и, вне себя от радости, осмотрел его, затем быстро убрал. - Благодарю вас за вашу милость, Ваше Величество!

Император, видя его наглое и отвратительное поведение, пришел в такую ярость, что пожалел, что не может засучить рукава и лично поколотить молодого человека.

Несколько раз ему хотелось сурово наказать Ся Юйцзиня, пока он не вспомнил о старом принце Ане, своем собственном младшем брате. У них были очень хорошие отношения, и он внес большой вклад в его восхождение на трон, но умер молодым из-за накопившейся усталости и болезни. У него осталось двое сыновей: первый - инвалид, второй - больной и немощный, ни один из которых никогда не мог стремиться ко многому. Новый принц Ань, Ся Юйцюэ, был честным человеком, но не более того, в то время как Ся Юйцзинь, с его приятной внешностью, красноречием и природной хрупкостью, напоминал прежнего принца Аня. Таким образом, весь императорский гарем знал, что, помимо наследного принца, он был самым любимым внуком вдовствующей императрицы.

Более того, хотя Ся Юйцзинь имел репутацию воплощения дьявола, строгое расследование установило, что он не был виновен ни в одном из тягчайших преступлений. Просто существовало много позорных мелких подробностей, которые каждые несколько дней достигали ушей каждого: он связывался с сомнительными типами из всех слоев общества, много раз наносил ущерб репутации императорской семьи, и никто не мог по-настоящему скрыть беспорядок, который он устроил.

Двумя годами ранее император безжалостно приказал выволочь Ся Юйцзиня во внутренний двор дворца, чтобы двадцать раз выпороть его посохом, чтобы преподать ему урок. Несмотря на то, что он велел дворцовому евнуху не усердствовать, Ся Юйцзинь потерял сознание еще до того, как получил два удара. Затем вдовствующая императрица, опираясь на свою трость, бросилась к месту происшествия, рыдая, когда обнимала Юйцзиня и выкрикивала имя его бедного отца. Она была так расстроена, что императору пришлось отправиться во дворец Циань, чтобы покорно извиниться перед своей матерью и поклясться небесам, что он никогда больше бессмысленно не ударит эту «больную кошку*».

* обр. (шутливое название человека со слабым здоровьем) дохлятина; задохлик; хиляк; заморыш.

Император пришел к осознанию после этого инцидента.

Ся Юйцзинь был так же неуправляем, как белое облако, несущееся по небу.

С глаз долой, из сердца вон.

С тех пор император лишь бегло просматривал записи, касающиеся Ся Юйцзиня, убеждаясь, что он не причинил никакого большого вреда, и игнорировал их все. Во время фестивалей и торжеств император совершенно не обращал на него внимания, раздавая награды, дворянские титулы и повышая по службе. И когда Ся Юйцзинь выходил на улицу и доставлял неприятности или его избивали, он притворялся, что ничего не знает. Только после победы генерала и предложения вдовствующей императрицы поженить Е Чжао и Ся Юйцзиня император вспомнил о нём. Он торжествующе согласился с волей матери, надеясь, что свирепый генерал Е поможет ему наставить этого нарушителя спокойствия на путь истинный.

Ся Юйцзинь, все еще не подозревая о его мыслях, вскочил и спросил:

- Ваше Величество, мне пойти засвидетельствовать свое почтение вдовствующей императрице?

- Погоди. - В тот день император был в очень хорошем настроении, и даже необычно спокойно отнёсся к компании этого негодяя. Поэтому теперь, после долгих раздумий, он внезапно по-доброму улыбнулся ему. - Юйцзинь, несколько месяцев назад тебе даровали титул принца Наньпина. Ты не можешь продолжать валять дурака всю оставшуюся жизнь. Не лучше ли было бы, если бы я дал тебе официальную должность? Это был бы твой вклад в процветание Великой Цинь.

Ся Юйцзинь почувствовал, что небеса раскололись надвое, отчего у него зазвенело в ушах. Когда он пришел в себя, то начал задаваться вопросом, не был ли его дядя околдован злобным духом лисы, который желал зла стране. Он нерешительно ответил:

- Ваше Величество, вы знаете, как мало я стою. Я не знаю ничего, кроме жизни, полной удовольствий. Все эти годы я время от времени учился у ученого Луна. Самое большее, я могу прочитать целую книгу, но я не могу разобраться в принципах мирного управления страной. Если вы дадите мне должность, народ ждёт бедствие.

Император улыбнулся еще более дружелюбно. Он подошел к Ся Юйцзиню и похлопал его по плечу.

- Не недооценивай себя. Я все думал и думал о том, кто может занять эту должность. Никто не подходит на эту роль больше, чем ты.

Видя, что с головой его дяди, похоже, возникли проблемы, он подозрительно спросил:

- Какую должность?

- Городской цензор [1], - торжественно ответил император.

[1] букв. □□□□xúnchéng yùshǐ, «имперский цензор, отвечающий за общественную безопасность в столице».

Ся Юйцзинь чуть не подавился слюной.

Звание цензора, патрулирующего город, может звучать внушительно, но на самом деле это были мелкие чиновники шестого ранга, которые вместе со своими сотнями подчиненных отвечали за общественный порядок и безопасность на улицах столицы и арест воров. Они также разбирались со ссорами между матушками и бабками*, уличными драками, ужинами на халяву всяких прохиндеев, злыми собаками соседей, лекарями-шарлатанами, клиентами борделей, отказывающимися платить, и всевозможными тривиальными жалобами.

* монахини буддийские, даосские и гадалки; сводницы, свахи, колдуньи, содержательницы притонов, знахарки и повивальные бабки.

Управлять улицами столицы было нелегкой задачей. Вы не могли бросить камень, не задев двух или трех аристократов. Высокопоставленные чиновники и члены императорской семьи собирались, как тучи. Паутина всех крупных предприятий была причудливо сплетена. Если городской цензор делал малейший комментарий, малейшее движение, он рисковал оскорбить уважаемых людей, и тогда, если бы он не был непосредственно объектом нападения, он был бы наказан, поэтому он не осмеливался сделать ни шага в сторону.

- Что, если я не смогу этого сделать? - спросил Ся Юйцзинь, пытаясь увильнуть.

- Ты каждый день прогуливаешься по этим улицам без проблем, - беспечно молвил император. - Разве ты не ходишь тем же путем, что и городской цензор? Это просто звание. Разве это не хорошая сделка? В конце концов, если ты смог преподать урок даже принцу Ци, тебе должно быть легко наставить других людей на прямой путь.

Ся Юйцзинь, испытывая удачу, спросил:

- Если я когда-нибудь устрою беспорядок... Буду ли я немедленно отстранен от должности?

- Не будь таким пессимистом, - настаивал император, - ты вполне способен это сделать. Кроме того, мы не позволим министерству чинов отдать тебя под суд.

- Что, если никто не будет меня слушать? - спросил Ся Юйцзинь с кислым выражением лица.

Император посмотрел на веер, который Ся Юйцзинь засунул за пояс. «Не принимай близко к сердцу этот тривиальный вопрос, - терпеливо и невозмутимо произнес он. - В конце концов, жена всегда тебя поддержит».

http://tl.rulate.ru/book/6306/3339471